Кто кладёт эти краски на холст?

В прошлом выпуске в своей рубрике «Палитра» альманах впервые обратился к критическому жанру – опубликовал материал, ломающий традиционное представление о персоне повествования (статья Анны Акчуриной о Сальвадоре Дали и его музе Гала). Сегодня мы решили продолжить эксперимент с форматом, размышляя об изобразительном искусстве через призму поэзии. В своё время выдающийся поэт-новатор Николай Заболоцкий произнёс сакраментальное:

Любите живопись, поэты!
Лишь ей, единственной, дано
Души изменчивой приметы
Переносить на полотно.

И мы захотели познакомить читателя с творчеством поэта и художника, использующего в своём тексте язык живописи, язык зримого пластического образа, а в живописи обращающийся к метафизическим пластам, сближающим изобразительный ряд с философией и поэзией.

Гость этого выпуска всё тот же – постоянный автор альманаха и его рубрики «Палитра» – Анна Акчурина (Дельфина Фаридовна Акчурина), поэт, художник, искусствовед, автор книги «Николай Фешин», многих публикаций об искусстве, двух поэтических сборников – «Страж» и «Цеппелин», участник международных выставок…

Графическое произведение Анны Акчуриной «Рубеж», размещённая на обложке «КА», послужила заглавной композицией её сборника стихов «Страж». Иллюстрации к этой книге получили 1-е место в номинации «Книжная графика» на III Открытой международной выставке-конкурсе художественного творчества «Пропилеи искусства», прошедшего в Казани в 2017 году. Картина «Рубеж» раскрывает свою ключевую идею о том, что мир пронизывает Любовь Творца, о всепобеждающей силе жизни, красоты, творческого духа над силами зла и разрушения. Образы этой композиции являются метафорой хрупкости, аллегорией кротости, одолевающей силу; эфемерной жизни, побеждающей смерть и ледяное бесчувствие. Картина проникнута пафосом трагичности бытия, победы и воскресения через смерть. Собственно, «Рубеж» – это «умозрение в красках», духовное credo автора, его философское послание миру.

Поэзия Анны Акчуриной также завязана на мистической связи слова и материи и, если угодно, является эквивалентом живописи в стихах, попыткой растворять и уравновешивать красотой грубость повседневной реальности, «умерщвлять пошлость клинком Красоты». Можно сказать, что поэтические искания Анны Акчуриной являются продолжением традиции русской духовной и интеллектуальной поэзии, про которую Александр Блок говорил, что поэт силой слова может вызвать к жизни миры – а равно и прекратить их существование.

Демиургу

В суровом оттиске канона
Сияет вечный идеал:
Так Дух Твой пламенный витал
Над первым утром Парфенона.

Так вечность прах земной почтила,
Сквозя чрез складки изваянья;
И всюду – тонкое дыханье –
«Любви, что движет солнце и светила»[1].

---

[1] **Последняя строка «Рая» Данте.**

Замысел

Ещё едва сквозит оттенок темы
Сквозь глубину и тень частей отдельных,
Ещё первоначальный сон творенья
Не прерывался – музыкой бесценной,

Ещё желанье жизни не вдохнуло
Твоё великодушье – в грудь Вселенной, –
Но в хаосе начал уж проглянуло
Смиренно – Солнце Правды неизменной…

Сумеречное

Художнику К. С. Петрову-Водкину

Уступи эту тему – дождю,
тёмной рыбине воспоминанья,
винной ягоде, сколам во льду
и начальной тоске без названья,

шелкопряду в полудня меду,
древним трещинам в гулком стакане...
И – с собою в ладу, не в ладу, –
отступи за порог мирозданья.

Сезанн. Лес Фонтенбло[1]

Картав голодный треск настырных воробьёв.
Излишня вязов чернь. И тяжесть синей ленты
бесстрастно оттенит простую медь волос,
как девственный пейзаж – наличье твёрдой ренты.

...Осмеян – всё забыл. Погиб и воскрешён,
чуть свет – у алтаря, где слепо ждут олени,
где Непостижный Бог твореньем поражён.
Мир вдребезги – когда не преклонишь колени

пред малым муравьем с хвоинкой мирозданья.
А путь твой – лишь штришок в эскизе без названья.

[1] **Лес Фонтенбло изобиловал оленями, которые временами приближались к художнику, часами неподвижно стоявшему за этюдником. Этюдник можно уподобить в этом случае алтарю, ибо Живопись была для Сезанна и его соратников поистине тайно действом.**

Impression[1]

В чаду трескучей болтовни
и полновесной дребедени
являются отвержных тени
в мерцаньи зарева Аи,

в снежинках, и в пыльце пастели[2],
в тоске гремящего Фоли[3]...
Но нынче вы бы не смогли
Ван Гога тронуть, – не посмели!..

Да, осмеянью предан был
их круг, но что-то проглядели
слепцы – за флёром акварели.
Абсент... Ирония судьбы.

Живопись

Пары пинена[4],
Крепкий холод утра,
И терпкость – прелой замеси кленовой.

Синеет в венах
Горечь перламутра;
А мысль твоя – резец Скрижали Новой.

Синеет в венах –
Язвой вечной боли
Попытка приближенья – к нерву истин,

Сквозь терны тлена,
Липкий плен неволи,
И комья грязных обагрённых листьев.

Синеет в венах
Ясность пораженья
И ярость – невозможности соитья

С природою вещей –
В одном сраженьи.
...Наощупь. Слепо. В мёртвом лабиринте.

---

[1] Впечатление.
[2] Мелки светлого тона, оставляющие мягкую, бархатистую линию.
[3] Фоли-Бержер – кабаре в Париже. Там было создано, в том числе, и последнее полотно Эдуарда Мане – «Бар в “Фоли Бержер”». К тому времени художник был уже смертельно болен. Радость каждого мгновенья бытия и тоска одиночества пронизывают это полотно.
[4] Пинен – разбавитель масляных красок.

Башмаки Ван Гога

Нет ничего более художественного,
чем любить людей.

Ван Гог

...Поры забиты извёсткой пшеничной пыли,
свет электрический жёлтым в глазницы щерится.
Солнце[1] зарыто. Хозяин, кому мы служили,
движет для Сына – свои кипарисы и мельницы.

Sacra amentia[2]

Зачем бесстрастная природа
над нами шутит, как Лилит?
Зачем сиянье небосвода
в подобье – вечность нам сулит?..

Объект бесчувственный, ничтожный,
по виду – точный идеал,
каким юнец неосторожный
его в томленьи увидал.

Так флёр полуденного света
объяв, фантом преобразит –
и очарует, и сразит
на миг отчаянный поэта...

А дальше – пробужденье. Что ж:
кратка таинственная дрожь.

---

[1] Солнце – постоянный лейтмотив живописи Ван Гога. Кроме того, «Солнце Правды» – устойчивый эпитет Иисуса Христа. В молодости Ван Гог намерен был стать миссионером-проповедником, служил в шахтёрском посёлке Боринаже (Голландия), был отстранён от миссионерства без права возвращения за петицию в защиту шахтёров после взрыва на шахте и массовых волнений углекопов. Кисти Ван Гога принадлежит множество этюдов стоптанной бедняцкой обуви.
[2] Священное безумие.

Архитектоника

Анне Черно

Есть симметрия в листике малом
и в стеклянном кресте стрекозы,
и в рисунке строфы – вал за валом,
и в ответном упорстве фрезы.

Но живая тоска нас вбирает
всем неправильным сердцем своим,
невместимостью всей поверяя
нашу правду: где – твёрдо, где – дым.

Сиреневый выдох скерцо...

Сиреневый выдох скерцо –
...беретка, шагрень перчатки...
Не здесь близорукое сердце:
помарки да опечатки...

Из влажного сумрака строчки
дразнящие ткут кудряшки.
Сквозной контрапункт многоточий
захвачен метелью бумажной.

Вирджиния Вульф. 1941 год

Бродить в полях…

В. Вульф

Бродить в полях и предаваться грёзам,
Упорно биться с хитрою строкой, –
Мотив и мысль так не в ладах с собой –
И звуки поверять волне и лозам.

Но что это: как краток летний день…
В борьбе с собой и словом неподъёмным
Вдруг уловить, что сжался свод огромный,
Легла на ткань – коричневая тень.

Умолк твой храм, и мёртвая волна
Захлёстывает площади и зданья.
Сочится гной из трещин мирозданья,
И смяла мир безглазая чума.

Синдром Стендаля

Прочь... Нет, о нет... Вернись – туда,
где жизнь кипит, с собой в раздоре;
где варварство и красота
сплелись в одно; все страсти в сборе;

где настежь всё: коснись узла –
и брызнет кровь из камня Прато;
где слишком много света, зла,
но во враге узнаешь брата.

Там слишком громок каждый вздох,
там до озноба полдень ярок.
И жизнь любой простит подвох –
за кровь твою – хоть тьму помарок.

Пусть слишком зелена вода
у самой паперти дель-Фьоре.
Закрой глаза: удар, удар...
То в рёбра плещет вечность-море.

Твоя геометрия

Косо скроен, сшит нелепо,
Дорог мне Твой дом старинный,
Хаос форм сквозь призму света –
Из апсид и стрело-линий.

Чуда плоть сама – под лупой.
Откровенье – ось предмета.
И в пробитый мысле-купол
К нам струящееся лето.

Ты

На улице – оттепель, всхлипы трамвая,
и – солнце, что встало для нас!
Но только случайно от строк отрываясь,
ты спросишь: какой теперь час?

Какой нынче день... или год, или... что там?
И, вовсе не слыша ответ,
вернёшься, как эхо, к оставленным гротам,
Зачем тебе солнечный свет?

И будешь сидеть за тетрадкой, согнувшись
(какой там у Данте был круг?..)
Всё ниже спускаясь в безсветлые ниши...
Зачем тебе солнце, мой друг?

Свинцовый дирижабль

Поэту Борису Рыжему

Ворчит далёкая гроза,
дырявя кровель скаты.
Гляди, горит стеклянный сад
в фольге зеленоватой.

Мы – беглецы... Неровен час...
А мы – на дне колодца,
где время позабыло нас,
сгустив эфир до оцта[1].

Но хочешь, мы раскроем холм,
и больше нет секрета,
лишь обживает новый дом
осколок рваный света,

и вторит посвисту дрозда
трофейная гармошка.
Вот пуговица. Вот звезда.
Вот оспина на ложке.

Молчит таинственный улов,
и письмами без даты
под брюхом призрачных мостов
плывут аэростаты.

Юрию Казакову[2]

Сияньем призрачным облит,
Рубеж осадный обозначен;
Забиты, к лесу жмутся дачи,
Раскисла почва, как бисквит.

В дырявом занавесе лип
Огарок скудный не маячит.
Свершилось. Предрешённость сдачи.
Проигран принятый гамбит.

---

[1] Оцта *(устар.)* – уксус.
[2] Юрий Павлович Казаков – русский писатель (8.08.1927–29.11.1982). После смерти писателя на его даче (в Абрамцеве) поселились бездомные. Тогда и погибли многие его черновики: рукописями топилась печь.

Ты говори со мной...

Дитриху Хейлеру

Жилки нервюр на висках твоих беглой приметой,
спрятанной тут, меж надгробьем, лучом и надгробьем,
тёрном врастают сквозь алый суглинок столетий
в вечности дёрн, изрешеченный снежною дробью.

Горечью мёда и дыма, и тем, что не снится,
ты говори со мной – тенью ли малою этой,
этим ли гибнущим снегом у рваной границы –
жизни и... Жизни, и что тебе – чёрная Лета!

Ты говори со мной... Только и дела у света,
что отвлекаться от тайны и в токах нездешних
плавить скудельную твердь в невечернее лето,
Огненной Птицей латая твой детский скворешник...

Eglise du Sacre-Coeur[1]

Что есть красота?

Сократ

…Старик, так что есть красота:
триумф иль жало наказанья?
Короткий опыт осознанья:
вот так – с листа
бросать в колодец изумлённо
пригоршни льда –
из вьюжной тьмы одушевлённой,
из «нет» и «да».
Из удалений и сближений,
из смертных уз,
пока не выбраны мишени
и ровен пульс.
Глядишь со дна «Святого Сердца»
как в шахты створ
летит сквозь жар витражной дверцы
жемчужный сор.
Везде, везде бушует вьюга!
Звучащий мир
теряет – точно мы друг друга –
ориентир.
Теряет слух. Теряет чувство,
и речь, и дар.
За клетью рёбер – тьма и пусто.
Удар... удар...

[1] **Eglise du Sacre-Coeur – Базилика Святого Сердца Христова, подобно большой белоснежной жемчужине венчает самую высокую точку Парижа – холм Монмартр; метафора человеческого сердца, как храма.**

* * *

Черпать горстями, Эвридика,
хионский мёд
и Леты огненные блики,
и стансы сот,

молчать в бездонном многогласье,
всей немотой
испив вселенский хор согласья –
как смертность – той,

чьи руки черплют ныне влагу
из устья Лет,
как чувств невинную отвагу...
и свет.

Авалон[1]

Вот печаль из самых бесполезных:
вьюжит, дышит льдом вино Кометы[2],
в хороводе огненного спектра
Ригель, Каф и рдяный Бетельгейзе.

Что с того, что холст судьбы в порезах!
Звёзд без счёту и в утробе смертной.
Ночь идёт, как слава – Призрак-крейсер,
а в петлице – ржавая Электра.

Всё в одну слепящую прореху:
медь... махра... кристаллы льда и страха...
Где печаль? Где тризна? Сыпь до верху:
не убудет, Gloria[3], от праха.

---

[1] **Одно из наименований Млечного Пути.**
[2] **Комета 1811 года, предвестница роковых потрясений. Самая большая и яркая комета XIX столетия. (Вино кометы – метафорически – длинный шлейф небесного тела, в прямом значении – шампанское «Вдова Клико» и «Шато д'Икем» урожая 1811 года).**
[3] **Слава *(лат.)***